

Подвижничество¹

(отрывки: главы «Ученичество», «Мистический опыт», «Безмолвие»)

Ученичество

Слово «аскетизм» происходит от греческого глагола *askeo*, который означает «упражняться». Он может означать упражнение бегуна. Апостол Павел в одном месте своего послания дает этот образ: христианин должен стремиться к совершенству так же, как бегун устремляется к своей цели (1 Кор 9:24). Обычно слово «аскетизм» наводит на мысль о крайне жесткой жизни и дисциплине. И часто, слишком часто это слово связывается для нас с образами из жизни ранних святых, пустынножителей, образами невероятных, невообразимых достижений выдержки и силы воли людей, которые жили в пустыне в крайних лишениях, проводили все ночи в бдениях, целые дни в молитвах и т. д. В результате для большинства христиан понятие аскетизма связано с этими образами, как будто великие подвижники прошлого совершали эти физические подвиги ради того, чтобы показать, как мало они нуждаются в земном для того, чтобы жить.

Как мне кажется, причина здесь та, что невозможно каким-то образом доказать, передать это чувство укорененности в Боге, показать, что они жили словом Божиим, а не от земли черпали свое бытие. Показать, что их жизнь, насколько это возможно в тварном мире, приближалась к жизни первых насельников рая, Адама и Евы, живших благодаря совершенной приобщенности Богу и невинности — пусть зачаточной, пусть еще в становлении, — которая должна была развиться, перерасти в зрелость и святость.

Поэтому жизнеписатели выбирали определенную точку зрения и, вместо того чтобы попытаться показать, насколько глубоко было общение подвижников с Богом, показывали, как мало те зависели от земли. Если вместо описаний подвигов святых почитать их собственные писания, мы видим, что их подвижничество не было просто стремлением выйти за пределы законов природы, какими мы их знаем в мире, отпадшем от Бога. Этот мир должен существовать не только творческим словом Божиим, которое держит наш мир, но и собственным усилием — усилием, которое никогда не приведет весь мир или отдельную человеческую личность к полноте жизни, тем более к бессмертию, но может подвести человека к доступному ему познанию Бога, общению с Ним.

Так что аскетизм не заключается в первую очередь в необычайных, невообразимых достижениях мужества, выдержки и воли. Он состоит в тренировке, строгой тренировке, постоянном усилии стремиться к Богу. Вспомните снова слово апостола Павла о том, что нам не следует проходить свое поприще лениво (Еф 5:15—16). Мы должны следовать своим путем, как тот, кто стремится к победе. Вспомните и то место, где апостол говорит, что подвиг — не пустые жесты, не гимнастическое упражнение, у подвига есть цель, он устремлен к победе (1 Кор 9:25—27).

В этом смысле аскетизм — опыт, который принадлежит всем, он не ограничен христианством или религиозной областью вообще. Любое дело в жизни предполагает обучение, усилие, постоянство и подвижническую установку, такую установку, которая ограничивает нашу свободу действий или мыслей или чувств, чтобы мы вырастали в меру своего призвания. Хирург должен подчиниться строгой дисциплине, чтобы быть в состоянии оперировать собранно и успешно. Художник должен не только пройти обучение, но и быть в состоянии выразить в камне или на холсте, или в прозе или стихах, или в музыке то, что

¹ Беседы 8 ноября 1985 г. — 21 февраля 1986 г. и 14 ноября — 12 декабря 1986 г. Пер. с англ.

больше его самого. Невеликий интерес представляет художник, которому нечего выразить, кроме: «Полюбуйтесь, вот мой автопортрет в цвете, в линиях или в звуках». Так что мы должны понимать, что аскетизм в этом смысле — понятие универсальное, и что когда мы говорим о христианском аскетизме, мы говорим о расположении мысли, расположении сердца, целенаправленности, чувстве ответственности за свое призвание, которые ве{'}домы всем людям. Это не обязательно подразумевает определенный путь к достижению цели, но всегда предполагает какой-то путь.

Святой Серафим в одной из своих бесед с Мотовиловым сказал, что каждый человек должен распорядиться своими дарованиями так, как они приносят ему наибольшую пользу, «прибыток». Одному способствует приближению к Богу милостыня, другому — пост, еще кому-то — молитва, он приводит различные примеры. Каждый из нас должен посмотреть, что ему лучше всего делать, чтобы стать ближе к Богу, и кроме того, бороться с тем, что стоит между ним и Богом².

Так что аскетизм невозможно определить в общем и целом, его можно представить во всем многообразии, многогранности. И каждый, кто называет себя учеником Христа, святой или грешник, должен выбрать свой частный путь или определенные духовные, душевные или телесные упражнения, которые дадут ему вырасти в опытность, а она, в свою очередь, позволит идти дальше к Богу. Потому что недостаточно знать цель, недостаточно даже знать путь. Надо не только знать, куда идешь и как туда можно попасть. Надо стремиться, желать достичь цели. Без этого, если не приложить к деланию все сердце — и, повторюсь, это относится не только к приобщенности Богу, но ко всему в жизни, — мы никогда не достигнем цели. Просто силой воли, решимостью исполнить что-то, без сердечного желания мы не сможем дойти до цели.

И тут мы подошли к чему-то очень важному. В начале я говорил о строгой жизни и дисциплине. Когда мы в наше время говорим о дисциплине, мы сразу думаем в плане механически исполняемых правил, которым учат (может быть, уже не учат, но мое поколение учили) в школе, или в молодежных организациях, или в армии, или на некоторых жизненных путях, где требуется иметь дисциплинированный ум, дисциплинированное тело и в целом дисциплинированное поведение. Но это не все, что подразумевает дисциплина. Дисциплина — это состояние ученика, *discipulus*, не состояние рядового, вытянувшегося в струнку перед капралом. Состояние рядового солдата — это состояние подчиненности. Здесь же предлагается высшая свобода, но свобода, укорененная в верности и ответственности.

Но для этого надо сначала иметь учителя. Я не говорю о духовном наставнике, выбранном среди людей. Господь сказал, что Он — единственный наш Господь, единственный Учитель, единственный Наставник (Ин 13:13). И если мы хотим научиться дисциплине, как ее понимает христианская Церковь, мы должны в первую очередь поставить себе очень серьезно, трезво и ответственно основной вопрос: выбрал ли я Христа своим Господином, своим Учителем, своим Наставником? Не только потому что Евангелие или Церковь последующих столетий предлагает мне мировоззрение, которое представляется наиболее убедительным. Христианство — это отношения, взаимосвязь с Живым Богом на Его условиях и жизнь, соответствующая такой связи. Это не мировоззрение, это образ жизни. И начинается это с бедственного состояния потерянной овцы, через наш собственный акт веры и отдачи Богу, через наше обращение к Нему как к нашему Спасителю и Наставнику, и ведет к тому, что через Крещение, через Покаяние, через возрождение благодатью Божией мы становимся детьми Царства Божия.

Так что в первую очередь нам следует рассмотреть, что такое ученичество. Вы помните слова Христа: *Где сокровище ваше, там и сердце ваше будет* (Мф 6:21). Является ли Бог,

² См. прим. на с. 10.

Христос, вся область Божия нашим сокровищем или нет? Является ли для меня область Божия целью пути? Готов ли я рассматривать эту область как драгоценную жемчужину, ради которой я продам все, чтобы купить ее и владеть ею (Мф 13:45—46)? Ясно, что Евангелие (как и я сейчас) не говорит о реальной жемчужине или вообще о материальном имуществе, хотя в процессе обретения свободы, освобождения от порабощенности вещам, привязанностям, предрассудкам и т. д. нам, может быть, придется расстаться с тем, чем мы обладаем. Это может быть материальное имущество, это может быть положение в жизни, это также может быть наша гордость, наша лень и многое, многое другое.

Так что в отношении аскетизма первое, что надо постараться понять: где мое сокровище? Конечно, каждый из нас может сказать теоретически: да, я христианин, Христос мне Бог, Христос мой Наставник, Христос мой Спаситель. Он мой Господь, мой Учитель, я Его ученик... Но если мы честны, хотя бы в той небольшой мере, какая доступна каждому из нас, мы сознаем, что глубоко разделены внутренне. В моменты, когда перед нами не стоит никакая проблема, мы всем сердцем готовы служить Богу, мы всем сердцем готовы встретить любые испытания, чтобы достичь высшей цели жизни, но как только придет испытание, искушение, так часто мы откладываем служение Богу.

Отец Александр Ельчанинов сказал — не помню, в своих «Записях»³ или как-то в разговоре, — что между добрым намерением и его осуществлением нельзя дать себе ни минуты промедления, куда могла бы закрасться мысль: «Погодя!», или «Кто-нибудь другой сделает», или «Зачем?», или «А надо ли?». Между верным побуждением и действием не должно быть промежутка, следует действовать немедленно. И это очень важно помнить, когда мы думаем о подвижнической жизни, как я пытался представить ее — как стремление быть верным, ответственным учеником.

Русское слово «подвижник» означает того, кто в движении, кто не застыл. Не то что он в непрерывном волнении и беспокойстве, но он не бывает неподвижен, все время устремлен, не спит, бодрствует, по слову Христа в 24-й и 25-й главах Евангелия от Матфея, как бдит страж, которому поручено предупредить войско о приближении врага.

Это очень важно, и я настаиваю на этом, потому что нет смысла говорить об аскетизме, сознательно устремленном к Богу, если мы не знаем, к какому Богу идти, или не стремимся к Нему, если Он — просто приятное дополнение к нашей обычной жизни или порой помеха, кто-то, кому мы хотели бы закрыть глаза, как воины завязали глаза Христу, когда поругались Ему, ударяли и спрашивали: «Скажи, кто ударил Тебя?» (Лк 22:64). Я ставлю вопрос во всей остроте, потому что он так и стоит. Вопрос в том, живы ли мы в Боге или мертвы для Бога — не физической смертью, не безнадежно, но как бы мертвы бесчувствием, неотзывчивы и поразительно неблагодарны. Потому что если бы у кого из нас был друг, который был убит, чтобы спасти нам жизнь, мы бы никогда этого не забыли и старались жить так, чтобы быть достойными этой жертвы. А тут мы видим, что Бог стал человеком, который в молодом — тридцати трех лет — возрасте согласился умереть нашей смертью, чтобы уверить нас, доказать нам, как велика Божия любовь, чтобы мы могли поверить в эту Божественную любовь.

Так что в центре всего — ученичество. И перед нами путь — Евангелие. Но как мы относимся к Евангелию? Мы выбираем, что-то отвергаем, сознательно перетолковываем, даем такое толкование, которое нам легче принять, забывая, что Христос сказал: *Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко* (Мф 11:29—30).

³ Священник Александр Ельчанинов. Записи. Paris: YMCA-Press, 1962; М.: Русский Путь, 2001, и др. изд.

Все сказанное может вам показаться не относящимся к делу: не то ожидали вы услышать на тему аскетизма, но это существенный его элемент, без которого бесполезны любые наши подвиги, потому что можно голодать, можно не спать, можно совершать все, что совершали святые, и подпасть под осуждение изречения (не помню, чье оно), которое гласит: дьявол никогда не спит, никогда не ест — и никогда не кается... Нам надо быть внимательными, потому что это очень серьезно. Ученичество — состояние духа, которое говорит о том, что мы выбрали Учителя и что всем сердцем, всем своим существом хотим приобщиться Его мысли, разделить Его подход к вещам, жить таким образом, чтобы обрадовать Его, понимать Его так глубоко, так полно, как только можем, перерастать самих себя в Его меру. И это ученичество идет очень далеко, потому что Учитель не говорит нам: исполняй то-то и будешь праведным. Такой подход мы находим в Ветхом Завете.

Разница между ветхозаветными заповедями и заповедями Нового Завета в том, что исполнение ветхозаветных заповедей позволяло человеку сказать: теперь я праведен перед Богом. Но Христос дает нам Свои заповеди и затем прибавляет: *когда исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать* (Лк 17:10). Но вместе с тем мы не призваны быть рабами. Христос говорит нам: *Я уже не называю вас рабами, Я называю вас друзьями, потому что раб не знает, что думает его господин, а вам Я все сказал* (Ин 15:15). Так что Он ждет от нас не механической покорности, не поступков как дел подчиненности, что мы находим в заповедях Моисея. Он ждет, чтобы через исполнение Его заповедей, которые раскрывают нам Его мысль, Его отношение к жизни, указывают нам путь спасения, мы уподобились Ему, усвоили себе все это отношение через вслушивание настолько внимательное, настолько полное, настолько пламенное, чтобы мы стали способны действовать не в ответ как бы на внешний зов, а потому что нас зовет к тому внутреннее побуждение, вдохновение — и в самом простом смысле этого слова, но и в самом возвышенном смысле, словно дыхание в нас Святого Духа, как не раз говорит об этом апостол Павел.

Это предполагает прежде всего тренировку сердца. Речь не идет о эмоциях, о том, чтобы выработать сентиментальные порывы к «младенцу Иисусу», к «сладчайшему Иисусу» или «страждущему на кресте Иисусу» и проч. Вопрос в том, чтобы научиться любить, любить так, чтобы мы могли сказать: Он — подлинное сокровище моей жизни, даже в моменты, когда я теряю Его из виду, потому что я хрупкий, потому что я легко обманываюсь, потому что я многого не знаю, потому что в моем узком сердце и уме и существе не вмещается все, что должно бы там быть, — но Он действительно мое сокровище. И после каждого падения я обращаюсь к Нему без отчаяния, потому что знаю, что Он не надсмотрщик, а Спаситель. Вот каково взаимоотношение.

И это еще новый шаг. Где мое сердце и как я могу воспитать мое сердце в верность, в лояльность⁴, в чистоту? — все те чувства и отношения, которые позволят мне принадлежать Самому Богу, даже если моментами я буду отпадать по причине хрупкости, позволят принадлежать в первую очередь Ему, а не быть рабом мира, который иногда прибегает к Богу в моменты тревоги, страдания, страха или горя. И только если в нашем сердце есть голод по Богу, если наше сердце обращается к Богу хоть с какой-то степенью постоянства, мы сможем сделать что-то и с нашим умом. Все мы это знаем из опыта обыденной жизни. Мы знаем, что когда наше сердце равнодушно к чему-то, то практически невозможно или невероятно трудно справиться с мыслями. Но если сердце отдано чему-то, то ум подчиняется и следует за сердцем. Нетрудно думать о человеке, которого мы любим, и так трудно вспомнить в

⁴ Митрополит Антоний употребляет это слово в соответствии с французским оригиналом, как синоним верности, преданности.

молитве или на деле кого-то, кто нам в общем-то безразличен. Это просто обязанность, и ум рассеивается. Так что за тренировкой сердца должна последовать целая тренировка ума.

Но есть тренировка и нашего тела, потому что между нашей душой и нашим физическим существом нет четкого разделения, так же как Божество не было отделено от человечества во Христе. Мы — духовно-телесное целое, и есть вещи, которые могут быть достигнуты душой только при поддержке сердца и тела: сердце должно дать горение, вдохновение, страстную устремленность, тело должно быть способно на длительное усилие.

Помню, несколько лет назад я вел беседу о молитве в одном из лондонских университетских колледжей — вернее, предполагалось, что я проведу такую беседу. Я вошел в комнату, там было человек двадцать студентов. Они сидели с бутербродами в руках, развалившись в креслах, задрав ноги, везде стояли бутылки с пивом. Я ничего не имею против бутербродов, да и пива тоже, поскольку, скажем так, каждое животное должно питаться. Но группа студентов, которая в таком виде и состоянии собиралась слушать беседу о том, как можно встретиться с Богом и общаться с Ним, — это мне неприемлемо. Возможно, они были очень рады, но я свел беседу к пятнадцати минутам, а затем сказал им: «Теперь задавайте вопросы, если они у вас есть». И молодой человек, удобно вытянув ноги в мою сторону, сказал: «Что вы мне посоветуете, если я скажу, что хочу научиться молиться?». Я ответил: «Во-первых, я скажу опустить ноги и сесть прямо». Он послушался. Тогда я продолжал: «В таком расслабленном состоянии вы неспособны на длительное умственное усилие. Вот вам мой совет: научитесь утром вставать по будильнику. Когда он прозвонит, у вас две минуты на то, чтобы встать — и сразу в холодную ванну или под холодный душ. Потом десять минут гимнастики, и в течение дня постарайтесь научиться держаться прямо, как человек, а не плестись, будто вы верблюд в караване». Мои слова были восприняты гораздо менее благодушно, чем даже я ожидал. Но как можно рассчитывать, что ты будешь способен внутренним усилием стоять перед Живым Богом, Которого ты не видишь ясно перед собой, говорить с Ним или быть в глубоком безмолвном общении с Ним, если сердцем ты к этому не стремишься и даже тело твое неспособно быть в собранном состоянии?

Я хотел бы в заключение упомянуть один образ, который дает Феофан Затворник в своих письмах о духовной жизни. Говоря о роли нашего тела и его тренировки, он пишет, что отношение между телом и душой, духом должно быть подобно связи смычка со скрипкой, верно настроенной. Если струны души не натянуты, даже божественная рука не вызовет певучего звука. Если струны слишком напряжены, они лопнут от малейшего прикосновения⁵. И это, можно сказать, суть аскетического подвига: так настроиться, чтобы само молчание Божие вызвало отклик всего нашего существа или той части в нас, к которой обращается Бог, чтобы мы отозвались в совершенном созвучии с тем, что услышали.

Мистический опыт

Слова «мистерия», «мистика» происходят от греческого *muein*, которое значит «быть безмолвным». Все отношение, не только умственное, человека к своему Учителю — это обучение тому, как общаться с Господом глубже слов, за пределом слов, в том, что можно бы назвать созерцательным молчанием или просто глубоким покоем, успокоенностью всех сил тела и души. Бывают блаженные минуты, когда это просто, когда этот покой, мир, безмятежие сходит на нас, дается нам. Но гораздо чаще этого состояния мира, покоя надо искать и добиваться, не только принимать как дар, но искать как приобретения. И этот приобретенный дар не может быть отнят, потому что ум, сердце, тело, воля, все существо человека было оформлено, сформировано и настроено созвучно с молчанием Божиим.

⁵ Собрание писем святителя Феофана. Выпуск шестой. М.: 1899 (репр. Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь: Паломник, 1994), с. 69—70.

Есть фраза у одного картезианского монаха о том, что если мы называем Христа Словом Божиим, то можем представить себе, что Бог — то неисследимое молчание, из глубин которого только и может прозвучать слово, созвучное с этим молчанием. Так что слово и молчание, слушание и делание неразлучны. И это требует от нас, как я указывал в первой беседе, беспощадно строгого отношения ко всему, что мы делаем, — не только когда читаем Священное Писание, не только когда молимся, но ко всему в жизни.

Но когда речь идет о таком строгом подвижничестве, не следует воображать, что оно означает непрерывное напряжение или непрерывное наблюдение за самим собой. Это как раз бы значило слишком натянуть струну. Речь идет о внимании в полном покое, в состоянии без напряжения, но полной бдительности. Если нужно дать пример такого состояния, сочетающего покой с вниманием, я бы привел пример человека, который наблюдает птиц. Такой человек хочет уловить первые движения, первые признаки жизни в лесу или в поле, которые его интересуют. Он должен встать ранним утром, раньше птиц, потому что в противном случае птицы уже пробудились и улетели. (Один мой друг как-то сказал мне: «Дух Святой подобен робкой птице. Он слетает к тебе. Не шевелись, дай Ему сесть спокойно, с доверием к тебе, иначе Он улетит».) И когда ты занял место, ты должен научиться двум вещам: быть в совершенном покое и вместе с тем в готовности живо отозваться на все, что бы ни представилось твоему взору, но без всякого предвзятого ожидания чего бы то ни было, потому что если ты ждешь чего-то определенного, то пропустишь то, что происходит на самом деле, пока ты всматриваешься, вслушиваешься в ожидании того, что может вовсе не случиться сегодня. Так что требуется воспитать себя в постоянном внимании, живой готовности отозваться на побуждения Духа, на все, что Господь Бог посылает в нашу жизнь, и вместе с этой бдительной готовностью быть в полном покое, так чтобы быть готовым воспринять отпечаток любого события, как воск воспринимает наложенную на него печать.

Святой Серафим Саровский говорит о том, как следует подходить к чтению Священного Писания. Он говорит, что Священное Писание надо читать на коленях, не обязательно физически став на колени, но с чувством благоговения, как если бы мы пали на колени перед Живым Богом, Который сейчас обратится к нам со Своим словом. Святой Иоанн Златоуст говорит, что книги Евангелий можно касаться, не иначе как вымыв руки. Опять-таки он не обязательно имеет в виду только физический акт омовения рук, потому что его можно совершить с полной внутренней беспечностью. Этой книги следует касаться как святыни.

Мариамна Фортунато, иконописец из числа прихожан нашего лондонского собора, говорила нам, что икона — как бы Имя Божие, выраженное в линиях и красках. Евангелие — Имя Божие, выраженное в словах, словесная икона Божия. И книга Евангелий имеет двойное значение. С одной стороны (и это очевидно), это слово Самого Бога. Бог обращается к нам. Но, с другой стороны, слово Божие — не только семантика, это Личность. И книга Евангелий — образ, Присутствие. Это не только слова Божии, но Сам Христос посреди нас, мы в присутствии Христа, слушаем Его слова, поклоняемся Ему, когда Он молчит, или стоим в благоговении, когда слова, которые Он произносит, обращены не к нам, зная, что кто-то другой слышит эти слова, превосходящие наше понимание.

Подумайте о толпе, которая окружала Господа в дни Его земного служения. Все слова, которые записаны в Евангелии, Христос произнес в ответ на конкретный вопрос или замечание конкретного, реального человека. Там нет общих утверждений о богословских предметах или духовных вопросах. Все, что говорил Христос, было обращено к кому-то: или к определенному человеку, или к ученикам, или к толпе, или к отдельному грешнику, или к кому-то, кто стоял на пороге вечной жизни или перед опасностью потерять ее. Но всегда сказанное имело личный характер. И часто мы должны бы понимать, что из толпы раздался вопрос, и Христос дает ответ на этот вопрос. Совершенно очевидно, что ответ до конца понимает один человек, потому что это ответ на его (или ее) вопрос. Затем есть ряд людей, у

кого вопрос, который выкристаллизовался в уме и в сердце спросившего, уже созрел, хотя еще не выразился конкретно в словесной форме; эти люди, вероятно, слушали и думали в себе: да, то, что Он говорит, полно смысла. Я еще не до конца понимаю, я должен созреть в своем вопросе и тогда изнутри вопроса получу ответ. А другие — вероятно, многие — пожимали плечами: не понимаем, о чем Он говорит, как мы можем *плоть Его есть* (Ин 6:52)? Или: что Он имеет в виду: *куда Я иду, вы не можете ныне идти* (Ин 8:21)?

Все мы находимся временами в одном из этих положений. Бывают моменты, когда мы читаем евангельские слова — и они обращены прямо к нам. Бывают моменты, когда мы как бы проблеском улавливаем значение слов. Тогда мы можем сложить их в свое сердце и мысль, но в первую очередь в сердце, в сердцевину самого нашего существа, не туда, где живут наши эмоции, — до момента, когда мы созреем достаточно, чтобы понять и отозваться. И бывают печальные моменты, когда мы только и можем пожать плечами или с сожалением покачать головой и сказать: я неспособен даже и близко подойти к пониманию того, что говорит мой Господь и Бог. Как же я далек еще от Его мысли и сердца, и воли и видения!

Любой из этих подходов важен, когда мы читаем Писание, — подход благоговейный, когда мы физически касаемся Священного Писания, берем в руки, открываем книгу, читаем или слушаем. Но мы должны также помнить древнее присловье, что Священное Писание понимается не только умом. Если мы исполняем то, чему учит нас Писание, то мы начинаем понимать значение слов Божиих, прозвучавших через Христа. И значит, есть подвижническое требование к нам: то, что мы поняли, мы должны исполнить изо всех сил, хотя бы изо всех наших малых сил, немедленно — и я намеренно употребил ранее слово «беспощадно», без всякого снисхождения к себе — стать исполнителями того, что мы поняли. Все сразу мы не понимаем, потому что ум Божий будет раскрываться перед нами до бесконечности, увлекая нас все больше в простор божественного видения, но столько, сколько мы поняли, мы должны научиться воплощать и исполнять.

Когда мы произносим: *Да будет воля Твоя*, это не означает, что мы просим Бога насильственно внедрить Свою волю в обстоятельства нашей жизни или в жизнь окружающего мира. Мы просим, чтобы наша воля стала единой с Его волей в той совершенной гармонии, в какой человеческая воля Христа была волей Божией не через поглощение Его человеческой воли волей Божией, а благодаря установлению совершенной, непоколебимой гармонии и единства между этими двумя волями.

Так что первый шаг к такому чтению Евангелия, который я старался предложить, — пытаться понять мысль Христову, выраженную в словах, потому что только таким образом можем мы понять Его, и затем через молитву, через послушливость, через исполнение, через возрастание во все более глубокое и полное общение с Богом приобретать *ум Христов* (1 Кор 2:16), так чтобы наше действие проистекало изнутри нас, не было актом подчиненности, а актом причастности.

Это опять-таки требует дисциплины, то есть отношения верного, преданного, смиренного ученика, который вслушивается всем своим существом, и когда замечает, что расходится со своим учителем, переживает это как отпадение, раскаивается, то есть говорит: Господи, прости меня! Я все время воображал, что я — Твой ученик, и вот я обнаружил, насколько я далек от того, чтобы быть в полном и подлинном общении с Тобой...

А остальное зависит от действия Божия. Все, что в наших силах — и к этому я хотел бы обратиться в другой раз, — это упорядочить наши мысли, наше сердце (я говорю не об эмоциях, а о нашей способности отозваться всем сердцем: вы прекрасно знаете из собственного опыта разницу между тем, чтобы отозваться всем сердцем, и эмоциональным откликом на внешнее побуждение), наше тело. И только если мы на самом деле понимаем, что значит, что Господь и Бог наш стал человеком, одним из нас, взял на Себя

противостояние между Богом и падшим человеком и разрешил в Самом Себе этот конфликт, привел все к полной гармонии, если понимаем, что парадоксальным образом Он вольной волей стал до конца единым и с человеком, даже в его состоянии отчужденности от Бога, и с Богом, Которого человек отвергает, понимаем мы и то, что именно поэтому Он мог умереть нашей смертью и спасти нас Своей смертью, и открыть нам врата воскресения.

И мы должны учиться понимать, насколько все это реально, понимать, что это не символы, не образы, не сказки. В нашей жизни всегда есть опасность подменить остроту, жестокость, грубую реальность распятия — спокойным любованием крестиком из перламутра. Постоянно нам грозит опасность подменить трагедию Великой пятницы литургическими напевами и молитвами и не дойти до сердцевины трагедии. Разумеется, мы не можем так воспринять эту трагедию, будто Воскресения не было. Но трагедия всегда присутствует, потому что до тех пор, пока мир нуждается в спасении, воскресший Христос несет на Своем теле следы распятия, гвоздиные раны, следы тернового венца, рану от копья в боку, след тяжелого креста на плече. В каком-то смысле, пока есть хоть один грешник, воскресший Христос еще страдает. И мы должны понимать, что ответственность за это лежит на каждом из нас. И если у нас есть хоть сколько-то чувства благодарности, понимания реальности всего того, что мы исповедуем и провозглашаем, мы должны делать прямые выводы, касающиеся нас лично, и понести ответственность.

Вот почему святой Исаак Сирий и другие святые, и современные богословы не перестают повторять, что христианство заключается не в мистических переживаниях — их временами Бог посылает нам даром, чтобы поддержать нас, вспомните слова апостола Павла: *где умножился грех, там преизобилует благодать* (Рим 5:20). Сердцевина христианства — в аскетическом подвиге, дерзновенной решимости и беспощадном хранении верности Христу.

Сказанное в начале о том, каково должно быть наше отношение ко Христу, когда мы читаем Евангелие, можно также отнести к молитвам церковным и к молитвам, составленным святыми: утренним молитвам, вечерним молитвам, вечерне, утрени, любым другим богослужебным последованиям. Мы должны прибегать к ним ради того, чтобы войти в мысль тех, кто больше нас, научиться от них, с какими чувствами следует приближаться к Богу, научиться от них, какие расположения ума и сердца и воли и всего существа мы должны приносить Богу, чтобы Он мог использовать нас как музыкальный инструмент, правильно настроенные струны которого производят все более богатую мелодию красоты и святости.

Надо, однако, понимать несколько вещей. Прежде всего не следует обманываться. Когда мы читаем вечерние или утренние молитвы, мы не читаем молитвы, которые составлялись за письменным столом, эти молитвы вырвались с кровью, живой кровью вылились, как крик боли, крик страха или ликующей радости и благодарности, из сердца живого человека. И потому мы не можем ожидать, что изо дня в день сможем отождествиться с каждой из этих молитв или с какими-то местами этих молитв. С нашей стороны было бы безумием вообразить, что за то короткое время, которое мы отводим на молитву утром или вечером, мы сумеем отождествиться с духовным опытом святого Василия Великого, святого Иоанна Златоуста или Симеона Метафраста, или Марка Подвижника, или иных святых, чьи имена не надписаны в начале молитвы, но которые принесли их Богу как итог своего опыта, выразившегося ярко в какой-то момент именно в этих словах. Так что нам следует подходить к этим молитвам в сознании, что мы должны быть благодарны Богу, если сможем отозваться хоть на одну фразу, отозваться на одну мысль, признать как собственное хоть одно настроение души, одно положение, когда читаем ту или другую из этих молитв.

Но это предполагает, что мы не просто обращаемся к этим молитвам утром и вечером, проведя день, который был совершенно чужд их содержанию и выражениям. Мы должны на всем протяжении нашей жизни, день за днем, вдумываться: о чем говорят эти молитвы, в

каких выражениях, какие мысли заключены в их словах, какой опыт выразился в этих мыслях и расцвел или, может быть, умалился, чтобы найти доступное выражение в словах этих молитв? Мы должны ставить себе вопрос: что я знаю о том, что читаю сейчас? понимаю ли я эти слова? имеют ли они какое-то значение в моей жизни, для меня? что они означают в моем словоупотреблении? есть ли им место в моем опыте? Затем обратиться к любой фразе и постараться понять, что та или иная фраза доносит до Бога или до нас. И как только мы поняли, что она значит, мы должны поставить себе вопрос: как я могу жизнью, реально воплотить слова, которые я прочел?

Это можно сделать по-разному. Во-первых, чтобы быть способным отозваться на молитву, можно, подходя к ней, обернуться к святому, который произнес эти слова, опытно пережив то, что включено в слова, и сказать: святой Василий, святой Иоанн, святой Марк — кто бы то ни был, — я так недостойно употребляю твои слова! Помолись за меня, чтобы я мог понять чуть больше, прикоснуться к сути твоего опыта. Прими эту слабую, бессильную мою молитву и принеси ее Богу со словами: вот человек, который хочет общаться с Тобой через меня, потому что я — один цвет радуги, тогда как Ты — несказанный Свет. Прими эту молитву и отзовись на нее, даруй этому человеку понимание, и возрастание, и мудрость, и новизну жизни...

Кроме того, меня научили одной вещи, которую я бережно, как сокровище, храню всю жизнь. Прочитав фразу молитвы, я не успеваю вникнуть в нее. И мне был дан совет: читая утренние, вечерние молитвы, помолчать немного, помолиться святому, к молитве которого подходишь, с благоговением, с открытостью, с чувством изумления, прочесть одну фразу, помолчать немного, положить поклон, чтобы отозвался не только ум, не только сердце — сколько там оно может отозваться, — но и самое тело, и после поклона снова повторить фразу, постоять молча, и снова повторить ее спокойно; и переходить дальше. Тем самым утренние или вечерние молитвы превращаются в занятие, которое длится 2—2,5 часа. Если у нас нет столько времени или потому что мы малодушны, или ленивы физически, или действительно устали, или ограничены по времени, мы должны выбрать те немногие молитвы, на которые мы уже способны отозваться хотя бы частично, и произносить их таким образом, пока эти молитвы не запечатлеются в нас или, по выражению Феофана Затворника, не вонзятся нам в сердце, как кинжал, так, что из сердца обильно потечет кровь в ответ на эти слова и мысли и опыт. Феофан понимал, что не каждый располагает таким количеством времени, и он говорит: прикинь, сколько времени ты можешь уделить на молитву, поставь будильник и молись всем существом, телом и умом, сердцем и волей, всей своей силой и всем своим бессилием, всей своей открытостью и всей своей неохотой. Молись таким образом то время, каким ты располагаешь. И если ты обнаружишь, что успел прочесть только первые строки первого псалма, считай, что ты прочитал всю вечерню. Потому что вся цель молитвы — не пробраться с одного конца богослужения к другому, но углубиться всем своим существом в те чувства, которые богослужение должно было бы родить в нас.

И еще одно, последнее. Следует помнить: все, о чем я прошу Бога, я должен сам стремиться выполнять в течение дня. Недостаточно просить Бога *обновить во мне дух правый* (Пс 50:12), послать мне случай исполнить Его волю, если я не прислушиваюсь к внутренним побуждениям Духа и не пользуюсь внешними ситуациями, в которых оказываюсь. И тут опять-таки полученный мною совет кажется мне очень ценным: взять одну молитву, которая мне ближе, чем другие, потому ли, что естественно близка моему сердцу, потому ли, что я ее понимаю и могу отозваться из глубин моего существа, или потому что она состоит из отдельных прошений, которые легко применять в жизни день за днем. Пример, который я хотел бы привести, — 24 обращения Иоанна Златоуста, которые мы находим в вечерних молитвах. Каждое из них — прошение, обращенное к Богу о чем-то одном: *Даруй мне терпение, великодушие и смирение*. Сказать Богу «даруй» подразумевает, что я откроюсь и

приму дар. А открыться и принять невозможно, просто открыв руки со словом «дай!». Недостаточно просто ждать дара, открыться можно только с усилием. Это означает, что если мы сказали: *Господи, даруй мне терпение*, мы должны быть готовыми встретить каждого человека, каждую ситуацию, независимо от того, родилась ли она и развилась изнутри нас или встретилась нам извне, как богоданную возможность учиться именно этой добродетели и исполнять ее.

Я уже не раз рассказывал вам о западном святом по имени Филипп Нери, который был очень вспыльчивого характера и умудрился перессориться, за редкими исключениями, со всеми братьями в своем монастыре. В какой-то день ему стало так невыносимо, что он неспособен с терпением, без раздражения отвечать на замечания, что он кинулся в церковь, пал на колени перед изображением Христа и стал просить: «Господи, даруй мне терпение!». Помолвившись, он вышел из храма и встретил одного из братьев, с кем до сих пор жил мирно, — и вдруг тот сказал Филиппу что-то оскорбительное. Филипп встретил другого, пожаловался на первого, а тот вместо сочувствия ответил: «Так тебе и надо!». Филипп отскочил в гневе, затем опомнился, побежал обратно в церковь, упал снова на колени перед Спасителем и сказал: «Господи, разве я не просил у Тебя терпения?». И голос Спасителя ответил: «Да, и поэтому Я умножаю случаи тебе научиться терпению».

Безмолвие

Одна их характерных черт пустыни — безмолвие. Мы говорили о беспредельности пустыни и о том, как в этой беспредельности мы находим молчание, которого нигде больше не найти, молчание такое глубокое, такое всеобъемлющее, что малейший звук, малейшее нарушение этого безмолвия вызывало у некоторых насельников пустыни очень глубокую реакцию. Я помню, как один из них писал: «Пролетела со щебетом птица в небе, и на многие часы тишина нарушена»⁶. Очевидно, что он имеет в виду не нарушение внешней тишины. Щебетание птицы раздалось и смолкло, но оно достигло души человека, который был в глубоком, однако несовершенном внутреннем покое, и нарушило его.

В одном из своих писем Феофан Затворник, говоря о тишине, пишет, что она подобна тому, что происходит, если дать воде в пруду устояться. Только очень постепенно ил оседает на дно пруда, и вода становится совершенно прозрачной, так что можно, глядя на пруд, видеть его дно, но видеть вместе и отражение неба в нем. Такой вот тишины стремились достичь, искали аскетическим и мистическим подвигом пустынножители. Окружающая их тишина, с одной стороны, была порой как бы успокоением, ничто не нарушало их внутреннего созерцательного состояния. С другой стороны, временами эта тишина становилась устрашающей: не на что опереться. Безграничная пустыня, безграничное небо над ней, и ничего в этом пространстве, на что отозваться, ничто не обращено к ним, так что они действительно в полном, абсолютном одиночестве с Богом или с самим собой. Разумеется, я не ставлю под вопрос объективное присутствие Божие, но я хочу сказать, что моментами они ощущали превосходящее все присутствие Божие, заслонявшее все мысли, все чувства, которые не имели связи с этим присутствием. И, с другой стороны, в ходе этой внутренней борьбы за свою цельность, целостность бывали моменты, когда они как бы оставались наедине с собой. Это требовало от них готовности принять вызов такого молчания и справиться с ним. Внутренняя тревога должна успокоиться, должны осесть, как ил в пруду, воспоминания, сожаления, надежды, желания...

Мне вспоминается рассказ об одном пустыльнике, который, еще будучи в миру, победил большие искушения, оставил мирскую жизнь ради того, чтобы обрести тот мир, который

⁶ Ср.: Древний Патерик, изложенный по главам. М., 1899. Изд. 3-е (репринт: М., 1991), с. 21, п. 8(5).

только Бог может дать, мир, превосходящий всякое представление. И внезапно ему предстало одно воспоминание, память о чем-то, что могло произойти и не произошло. И годами ему пришлось бороться с этим воспоминанием, и эта борьба далась ему много труднее, чем преодоление конкретных, непосредственных искушений.

С воспоминаниями, восстающими из прошлого, приходилось сталкиваться всем подвижникам. И в связи с этими воспоминаниями вставали в памяти случаи, огорчения, желания, надежды, которые еще не обратились в них в покой и полную устойчивость, способность быть лицом к лицу с Богом и только с Богом Одним. Этого достигают долговременной борьбой. И это учило подвижников своего рода внутренней дисциплине, которую они называли трезвением, бдительностью: в одной стороны, быть бдительным, не допустить, чтобы впечатление извне овладело мыслями, всколыхнуло чувства, пробудило в уме и в душе состояния, которые придется преодолевать; с другой стороны, эта бдительность должна позволить уловить в душе малейшее движение Божиего присутствия.

Пустыня и бросает вызов своей тишиной, но одновременно и учит тишине, учит слушать. Мы этого не умеем делать даже в обычной жизни. Но кроме того, очень трудно научиться тишине при отсутствии всякого внешнего побуждения, потому что прислушиваться надо к тому, как безмолвно проходит мимо нас Бог. Прислушиваться надо к малейшему движению души. И эти движения души следует оценивать — от Бога ли они, или просто естественные, природные побуждения, или это может быть искушение, исходящее от злой силы. И этому учишься постепенно из опыта, из трагических падений, когда подвижник поддается побуждению, которое не исходит от Бога, и обнаруживает, что опустошен, что годы труда и трезвенной жизни уничтожены, сметены. Или наоборот, бывает, что, вслушиваясь внимательно и уловив одно слово от Бога, подвижник унесен в новизну жизни на такой глубине и с такой силой и красотой, которых прежде не знал.

Так что вот вторая черта этого покоя пустыни: стояние лицом к лицу с ее безграничностью и с хрупкостью собственного существа, и необходимость сохранять внутрипробывание, но не быть сосредоточенным на себе. Быть внутри, да — но сосредоточенным на Боге. Разницу между этими состояниями описывает Феофан Затворник: он говорит, что человек, сосредоточенный на себе, подобен стружке дерева, свернутой вокруг собственной пустоты. Важно, чтобы внутри была не собственная пустота, а незримое, порой неощутимое присутствие Божие, открытость, а не состояние стружки, открытость, которая позволит нашей душе звучать подобно музыкальному инструменту, о чем я говорил раньше.

Конечно, с этим связана молитва, но молитва, которая находит различные способы выражения. С одной стороны, молитвенная дисциплина, которая направлена на то, чтобы приучить ум полностью быть внимательным к молитвенным словам, иначе говоря, не к тому, что происходит внутри вас, а к тому, к чему вы устремлены, чему хотите соответствовать. И, с другой стороны, моменты в молитве, когда душа вся — внимание и отклик, когда то, что происходит в душе, — ответ во всей правде на присутствие Бога или на Его отсутствие, крик отчаяния сиротствующей души или ликующий возглас души, которая почуяла мимолетную близость Господа.

Я уже упоминал некоторые формы молитвы, но мы должны понимать, что в ранней пустыне не было в качестве материала для молитвы всего богатства литургических текстов или молитв святых, которым мы располагаем теперь. Эти молитвы возникли позднее. Тогда у подвижников были псалмы. И псалмы, в каком-то смысле, это очень сложное и богатое собрание молитв, в которых человеческая душа во всей правде отзывается на каждую человеческую ситуацию, в какой она оказывается. И под *правдой* я имею в виду не только высшую божественную правду, но человеческую правду. Momentами, отзываясь на собственное раскаяние, печаль, душа оборачивается в сокрушении сердца к Богу и вопиет о своем горестном состоянии: 50-й псалом — типичный такой пример. Но бывают и другие

моменты, когда псалмы, родившиеся в Ветхом Завете, до времени Христа, выражают и другие чувства — чувство гнева, чувство боли, тревогу, и каждый из нас может, и даже каждый из подвижников мог узнать себя не только в лучшем, но порой в самых трагических ошибках или в самых трагических реакциях на ситуации извне.

Конечно, духовные писатели толковали некоторые из таких мест и относили гнев или отвращение к «врагу» как к сатане или к злу внутри нас самих. Но когда эти псалмы были составлены, они не обязательно писались в таком чисто духовном смысле. И для святых было очень важно, что они могли, будто в зеркале, увидеть себя в этих местах, могли честно признать, что в них есть гнев, в них есть отчаяние, в них есть реакции, которые недостойны не только Бога, но и их самих. Это было важно, потому что они могли знать, что в этом они не одиноки. Они могли чувствовать, что не предоставлены самим себе, не должны искать путь через извилины собственной души без руководства и ложно вообразить, что все неправо в них, а в великих духоносных людях все было право. Они видели у царя Давида и в других ветхозаветных личностях, составивших молитвы, борьбу, которая шла в них на том основании, что они были обыкновенными людьми, стремящимися к Богу, с усилием пробивающимися к Нему сквозь собственную невосприимчивость к жизни в Боге и к идеалу, к которому они стремились. С другой стороны, бывали моменты, когда они видели перед собой величие больших душ в молитве и могли учиться от них. Но и в том, и в другом случае они что-то открывали о себе — или о том состоянии, в котором они находятся, или о том, какими их призывает Бог стать и быть. Так что Псалтирь играла очень центральную и важную роль в научении молитве и такой трезвости, которая давала им видеть себя в правде, какие они есть, без иллюзий и без разочарования, ставить себя перед Богом и перед собственной совестью.

Если подумать о том, что они ежедневно вычитывали Псалтирь от начала до конца, если подумать о том, что они молились собственными молитвами, взывали в тоске или провозглашали свою радость, то понятно делается, что молитвенная жизнь была не просто литургическим упражнением, где они принимали участие в молитве Церкви, которая их поддерживала и несла. Им приходилось вести борьбу за молитву в своем одиночестве, лицом к лицу с самим собой и с Богом. И если поставить себе вопрос о том, что случилось с этими молитвами позднее, когда развилось монашество, например на Афоне, то мы увидим, что это тяжелый труд, а вовсе не легкое упражнение. Есть место в писаниях одного афонского старца, где он говорит, что монах должен свести свое молитвенное правило к минимуму и оставить как можно больше времени на непосредственную беседу с Богом, открытость Ему, так, чтобы обмениваться жизнью с Богом. Но если вникнуть, что же он называет минимальным правилом, то мы содрогнемся, потому что он говорит: достаточно вычитать утренние молитвы и утреню, затем первый и третий часы, шестой час, девятый час, перейти к вечерне и повечерию — после этого можно спокойно молиться перед лицом Божиим.

Я помню русскую женщину, которая хотела принять монашество, а я пытался ее отговорить. Она была крепкая, упрямая женщина и говорила: «Я хочу научиться молиться». Тогда я сказал ей: «Ладно, вот вам молитвенное правило» — и дал ей правило по заповеди этого старца. Через какой-то период я спросил ее, сколько времени у нее уходит на правило, и она ответила, что часов восемь в день (которые она перемежала своей работой уборщицы, чтобы на что-то жить). Через год я спросил: «Ну, как молитва?». И она ответила: «Знаете, я вычитываю правило, потом, перекрестившись, говорю себе: слава Богу, теперь можно спокойно помолиться». Потому что правило служило ей для дисциплины ума, посредством правила ее мысли, ее чувства, все ее существо, включая физическое тело, как бы оказывалось между мельничными жерновами и становилось мукой. И из этой муки можно испечь хлеб и принести его Богу. Как видите, надо понимать, что это не было так: помолится немножко, а потом сидишь и созерцаешь пустыню, любишь ее красотой, переживаешь свое

одиночество или чувство близости Божией. Это была борьба, подлинная борьба за то, чтобы перерасти себя через то, чтобы войти в опыт других людей, пережить его.

Разумеется, эта молитва через какое-то время, короткое или долгое, приводила к общению с Богом, общению очень разительному. В житиях некоторых пустынножителей мы видим, как они стоят перед Богом, пламенея молитвой. Есть несколько рассказов о том, как ученики или проходящие мимо паломники смотрят в щелку двери или в окно и видят, как подвижник стоит, воздев руки к небу, и от рук поднимается пламя⁷.

Кроме псалмов, употреблялись и другие формы молитвы, краткие, насыщенные формулы, подобные, например, той, что употребляется в англиканской вечерне: *Господи, поспеши на помощь нам* (Пс 21:20), или возникшей позже (хотя некоторые ее формы довольно ранние) Иисусовой молитве: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня, грешного*. И это очевидно требовало иного рода зрелости и иного рода дисциплины, потому что когда читаешь молитвы, где переходишь от мысли к мысли, гораздо легче удерживать ум на той или другой фразе, чем на одной-единственной мысли. А Иисусова молитва, так же как и эти короткие фразы, заимствованные из Псалтири, или отрывки из Ветхого или Нового Завета, требовали, разумеется, способности полностью сосредоточиться всем сердцем, всем умом, всем своим существом на произносимых словах, потому что, как однажды сказал мне один человек, замечательный молитвенник, с этими краткими молитвами беда в том, что если одну из них произнесешь без внимания, ее уже не вернешь. Можно произнести ту же молитву тысячи раз, но ту, которую пропустил без внимания, уже не восстановишь... И остается боль, сожаление о том, что в момент, когда я сказал Богу: *Господи, спаси меня!* — я был рассеян, как будто мне это неважно. Или в момент, когда я обратился к Богу со словами: *Радость Ты моя!*⁸ — как сказано в одном из псалмов, я как бы прошел мимо этих слов, и хотя я их произнес, но до Бога не дошло, что я отозвался на них с глубоким чувством радости и благоговения.

Я уже говорил о том, каким образом сначала земные страхи, а потом душевное смятение, а позднее и страх сил зла побуждали людей непрестанно молиться, потому что через физическую опасность человек познал свою хрупкость, познал, что он предельно уязвим, что нет надежды для него, кроме как в непрестанном внимании и в милости Божией, и потому он обратился к Богу, взывая о постоянной помощи. И это приводило к сознанию, которое очень живо было у пустынников и которого нет у нас, что каждый человек бесконечно хрупкий, уязвимый, что никого нельзя судить и осудить, — это принадлежит только Богу, Который Один только может взвесить силу человека и искушение, или страх, или хрупкость. И мы находим образцы такого рода открытости к хрупкости другого человека со стороны великих святых. Я сейчас думаю о двух случаях из жизни пустынных отцов. Один из монахов общины оказался недостойным, согрешил в чем-то. Созвали братию, чтобы произвести над ним суд и назначить ему соответствующее наказание. И старец пришел в собрание, неся на спине дырявую корзину с песком. Он шел из кельи на собрание, и песок сыпался из всех дырок. Один из братьев сказал ему: «Отче, что ты делаешь? Ты взял для песка худую корзину». И старец ответил: «Видишь, я иду судить моего брата и не замечаю собственных грехов, которые стелятся за мной следом, их я не вижу»⁹.

И есть другой случай в рассказах о жизни пустынников. Подвижнику донесли, что один из братьев держит у себя в келье женщину. Старец сказал: «Пойдем, проверим, так ли это». Он пришел к указанному монаху с группой братьев, окинул взглядом келью и увидел большую

⁷ См., например, Древний Патерик, изложенный по главам. М.: 1899 (репринт М.: 1991), с. 237, п. 9(8), с. 333, п. 2(1).

⁸ См. прим. на с. 37.

⁹ Древний Патерик, изложенный по главам. М., 1899 (репринт: М., 1991), с. 145.

корзину, где только и могла быть спрятана женщина. Он сел на эту корзину, покрыл ее своей мантией и сказал братии: «Ну что же, ищите женщину». Они все обыскали, и когда они никого не нашли, старец выговорил им, что не следует спешить подозревать добродетельного брата, отправил их вон каяться в превозношении, дерзости и подозрительности, после чего выпустил женщину из корзины и строго обличил и ее, и монаха¹⁰.

Такое было в целом отношение в этой среде. Можно привести десятки примеров людей: сами они достигли чистоты, величия, святости, перед которой стоишь в безмолвии, и, однако, никогда не осудили другого человека, потому что из собственного опыта познали, как легко могут поколебаться, как легко искушение может войти в мысли, поколебать даже физическое их существо. И это одна из вещей, которым мы можем научиться от отцов пустыни: их чувству собственной хрупкости, тому, что каждый уязвим и что к каждому следует относиться с состраданием и с глубочайшим смирением.

И это приводило их к простоте — не к того рода примитивности, какую мы находим в тех людях, кого называют недалекими или простоватыми. Это была простота цельности, всякая усложненность отпадала с них. Я помню, святой Иоанн Кронштадтский пишет в своем дневнике: Бог — самое простое существо, какое можно себе представить, потому что в Нем нет тени, нет запутанности. Он весь — свет и прозрачность. Некоторые из вас, может быть, читали книгу¹¹, в которой маленькую девочку спрашивают, почему она думает, что Бог может видеть прошлое, настоящее и будущее. И она отвечает: «Потому что Он совершенно прозрачный, Ему не надо поворачивать голову, чтобы видеть то, что сзади Него. Он все видит благодаря собственной прозрачности». И эти люди благодаря своей приобщенности Богу, благодаря тому, что они предстояли перед лицом Божиим, — освободились от всего, что делает нас как бы густыми или сложными в дурном смысле слова. И потому они могли смотреть и видеть так, как по-французски говорится о молитве: просто молитва взглядом, способность стоять перед Богом и смотреть, не нуждаясь ни в каком аналитическом процессе, который приведет к пониманию, стать настолько прозрачными, чтобы свет Божий беспрепятственно лился в них и через них, чтобы не осталось ничего, кроме самого существенного. Причем ясно, что существенно не сложное, а, как я вам уже говорил, живая душа по образу Живого Бога, которая может общаться с Живым Богом, потому что достигла полной гармонии по образу и подобию.

Помню, отец Софроний говорил со мной об этом. Он говорил, что если долгое время живешь один, так чтобы ничто не вставало между тобой и самым твоим существом или между тобой и Богом, тогда начинаешь различать вещи, которых иначе не различил бы. И он дал такой образ: на пестрых обоях с разноцветным узором из цветов и птиц трудно заметить пятно. На чисто побеленной стене малейшее пятнышко, мошка сразу заметны. И он добавил: «Вот к чему мы должны стремиться. Мы должны стараться стать настолько прозрачными, настолько свободными от всего лишнего, чтобы немедленно замечать и видеть все случающееся».

И таким образом мы встречаем в ранних пустынных поразительную непосредственность их видения и их понимания самих себя, Бога и других людей, потому что это прямое видение, простой взор, простая способность смотреть и видеть позволяла им прозревать в людях, сквозь различные слои усложненности, самую сущность их души. И это давало им мудрость, которую действительно можно найти только в пустыне, мудрость, которая позволяла этим людям, глядя на человека, общаться с ним на глубинах молчания и могла

¹⁰ Ср.: Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. Св.-Троицкая Сергиева лавра, 1993 (репринт), с. 36, п. 10.

¹¹ Mister God, this is Anna, by Finn. L.: Collins, 1974. Русск. изд.: Финн. Мистер Бог, это Анна. Пер. О. Бухина. Одесса: «Два Слона», 1997.

потому отозваться на внутреннего человека, а не на внешнее событие. Помню, например, как трое монахов посетили одного старца в пустыне. Все трое просили его сплести им сети для ловли рыбы. Он отказал первым двум, а на просьбу третьего немедленно, с готовностью отозвался согласием. Посетители ушли, но двое первых вернулись и спросили: «Отче, почему ты отказал нам и не отказал ему?». И старец ответил: «О вас идет хорошая молва, следовательно, мой отказ вы не примете так, будто я гнушаюсь вами. У того же брата дурная слава. Если бы я отказал ему, он мог подумать: он отказал мне за мое недостойство. Вы приняли мой отказ спокойно, он бы его так не принял, поэтому я сплелу ему сеть»¹². Такого рода притчей, такого рода советов множество.

¹² Древний Патерик, изложенный по главам. М., 1899. Изд. 3-е (репринт: М., 1991), с. 156—157.